

— Благодарю Ваше Величество, — сказал Фан Ляочжи. — Во-первых, Ваше Величество должен поставить сложную задачу, анонимно запросив у генералов и Чэнь Тина план обороны северной границы. Во-вторых, нужно устроить так, чтобы Ли Цзэюй оказался виновным. В-третьих, дать Чэнь Тиню возможность проявить себя в бою. Второй и третий пункты можно выполнить одновременно.

Жун Цзюэ рассмеялся.

— Встань.

Фан Ляочжи спросил:

— Ваше Величество согласен?

Жун Цзюэ задумался на мгновение.

— Ли Цзэюй много лет служил на границе, оставаясь верным. Мне жаль его, дай мне подумать. Встань.

— Ваше Величество, старые генералы при дворе тоже были верны много лет, — сказал Фан Ляочжи.

Жун Цзюэ вздохнул.

— Понял. Я найду способ его оправдать.

Фан Ляочжи встал.

— В тот день... — Жун Цзюэ запнулся, но, вспомнив, что он император и не должен испытывать затруднений в разговоре с Фан Ляочжи, с иронией покачал головой.

Фан Ляочжи, однако, понял, о чем он хотел спросить, и ответил:

— В тот день, когда я пришел в твой дом, он показался мне одновременно знакомым и чужим. У меня закружилась голова, и я почувствовал гнев, но я до сих пор не знаю, почему. Можем ли мы не говорить об этом?

Жун Цзюэ кивнул.

— Ты говорил, что прислал людей для моей защиты, но они все равно следят за мной, — с иронией заметил Фан Ляочжи.

— Хань Цюнь, Чжан Му! — Жун Цзюэ крикнул за дверь.

Двое телохранителей вошли.

— Ваш слуга здесь.

— С сегодняшнего дня вы подчиняетесь приказам Фан Цина.

Они опустили на колени.

— Да, мы будем следовать приказам господина.

Жун Цзюэ посмотрел на Фан Ляочжи.

— Вот, теперь они твои.

Фан Ляочжи улыбнулся.

— Благодарю Ваше Величество.

Фан Ляочжи проводил Жун Цзюэ до западных ворот дворца, за ним следовали несколько телохранителей.

— Ваше Величество, я хочу прогуляться по лагерю гвардии. Я не пойду внутрь.

Жун Цзюэ немного подумал.

— Если не хочешь, чтобы кто-то следовал за тобой, будь осторожен.

Фан Ляочжи, после некоторых колебаний, достал из рукава тонкую серебряную иглу.

— Ваше Величество, когда вы поручили Лин Чэ проверить меня, он, конечно, доложил вам.

Жун Цзюэ слегка наклонил голову, с улыбкой глядя на него.

— Это твой секретный прием? Что это?

— Когда я был в загородном дворце, я увидел медицинские иглы Лю Дажэня и вдруг вспомнил, что, кажется, умею ими пользоваться. Я... украл несколько и попробовал. Оказалось, что я могу довольно точно попадать, убил несколько мух в кабинете Шаньинь, — с легкой улыбкой сказал Фан Ляочжи.

— Твой «смертельный удар» был направлен на мух?

Жун Цзюэ, не обращая внимания на воровство, рассмеялся.

— Лин Дажэнь действительно передал все дословно, — Фан Ляочжи с иронией заметил. — Но это действительно смертельный удар. В любом боевом искусстве есть уязвимые точки. Несколько игл могут спасти мою жизнь, не волнуйся.

— Редко вижу тебя таким откровенным. Я тоже скажу тебе кое-что. Лин Чэ сообщил, что ты, увидев его приемы, запомнил их с первого взгляда. Хотя у тебя нет внутренней силы, ты уловил их суть, — спокойно сказал Жун Цзюэ. — Даже если ты не изучал боевые искусства, ты, должно быть, читал много книг о них. Ты не совсем новичок.

Фан Ляочжи почесал затылок.

— Ага. Значит, ты уже знал.

— И что с того? Я все равно тебя балую, — Жун Цзюэ потянул за рукав Фан Ляочжи и тихо добавил:

— Лю Мянчжи — опытный врач, служащий десятилетия.

Фан Ляочжи глубоко вздохнул.

— Понял. Мой пульс необычен, и он, конечно, рассказал тебе.

— Когда ты был на грани смерти, он сказал, что твой пульс был странным: иногда слабым, как паутинка, будто ты висел на волоске, но в то же время в твоих венах была мощная сила, не дававшая тебе умереть. Хотя Лю Мянчжи врач, он не разбирается в мистических практиках и не смог понять, в чем дело, — сказал Жун Цзюэ. — Я тогда пригрозил ему, что он должен спасти тебя любой ценой. Думаю, он приложил немало усилий, бедняга.

— Ваше Величество долго скрывал это от меня. Я только что узнал, — с сожалением сказал Фан Ляочжи.

— Мы квиты. Ты ведь тоже скрывал от меня многое, не так ли? — Жун Цзюэ пощекотал ладонь Фан Ляочжи и улыбнулся с хитринкой.

— Ваше Величество, возвращайтесь во дворец. Сегодня пятнадцатое число, разве вы не должны быть с императрицей? — Фан Ляочжи поклонился, собираясь уйти.

— Ревнуешь? — с улыбкой спросил Жун Цзюэ.

Фан Ляочжи усмехнулся.

— Ревную, но ты все равно должен быть с ней.

— Ладно, тогда я вернусь к ней, а ты можешь поревновать в свое удовольствие, — Жун Цзюэ отпустил руку Фан Ляочжи, встал на плечи стоящего на коленях слуги и сел в паланкин, помахав рукой на прощание.

Фан Ляочжи, печально повернувшись, почувствовал горечь в сердце.

Императорский паланкин прошел несколько шагов, и Жун Цзюэ обернулся, увидев одинокую фигуру Фан Ляочжи.

Жун Цзюэ вздохнул и отдал приказ. Паланкин направился не к дворцу Цзяофан, а обошел его и двинулся на восток, к дворцу вдовствующей императрицы.

Жун Цзюэ приказал слугам остановить паланкин в отдалении, вышел из него и в одиночестве подошел к дворцу Фунин, где опустился на колени.

Под палящим солнцем Жун Цзюэ простоял на коленях четверть часа, прежде чем вдовствующая императрица узнала об этом и пришла.

— Сын мой, что ты делаешь? — Вдовствующая императрица поспешила помочь сыну подняться.

— Матушка, я прошу вас об одном деле. Я знаю, что это безумие, но позвольте мне сказать это на коленях, — глубоко вздохнув, сказал Жун Цзюэ.

Вдовствующая императрица нахмурилась, убрав руку.

— У тебя снова есть фаворит?

— Император У-ди благоволил Хань Яню, позволяя ему свободно перемещаться по дворцовым коридорам, — Жун Цзюэ прикусил губу, с трудом произнося слова. — Позже, из-за слухов, он оказался виновным перед вдовствующей императрицей Ван и был казнен. У-ди просил за него,

но не смог спасти. Думаю, он страдал, видя смерть любимого.

Вдовствующая императрица вздохнула.

— Сын мой, почему ты не можешь пройти мимо этого испытания чувствами?

— Матушка, я знаю, что это неправильно, но не могу контролировать свое сердце. Я боюсь... Если я действительно буду благоволить ему, во дворце начнутся слухи, которые приведут к его гибели. Я прошу вас о милости: если что-то случится, пожалуйста, оставьте ему жизнь, пока я разберусь, — Жун Цзюэ закончил речь глубоким поклоном.

— Если я не соглашусь, ты снова будешь стоять на коленях три часа? — вздохнула вдовствующая императрица.

Жун Цзюэ усмехнулся.

— Я недостойный сын.

Вдовствующая императрица долго молчала, но, не выдержав вида стоящего на коленях сына, ответила:

— Я соглашаюсь.

Жун Цзюэ, сдерживая слезы, поднял голову и посмотрел на мать.

— Благодарю вас.

— Но ты должен пообещать мне, что не забросишь гарем. Я хочу видеть тебя с сотнями сыновей и тысячами внуков. Сейчас у тебя всего одна императрица и одна наложница, этого недостаточно, — вдовствующая императрица приказала двум служанкам помочь Жун Цзюэ встать.

Жун Цзюэ оглядел служанок, поняв намерения матери, и нахмурился, размышляя, как отказать.

— Сын мой, когда в гареме будет больше женщин, способных родить драконьих сыновей, императрице будет чем заняться, и у нее не останется времени на ревность, — добавила вдовствующая императрица.

Жун Цзюэ с сожалением улыбнулся и согласился.

— Благодарю вас, матушка. Я понял.

Вдовствующая императрица провела Жун Цзюэ во дворец, где он сел, а две служанки подали ему сладкий суп и начали массировать его с обеих сторон, их изящные руки двигались с легкостью, явно обученные этому.

Вдовствующая императрица сказала:

— Я согласилась на твою просьбу, но это не значит, что все будет спокойно. Открытые угрозы легко избежать, но скрытые стрелы трудно отразить. Сын мой, любовь императора всегда подобна мечу, висящему в воздухе. Ты должен хорошо подумать, достоин ли этот человек любви императора.

— Я знаю. С детства я получал отцовскую любовь и испытал на себе, что значит быть мишенью, — тихо сказал Жун Цзюэ.

— Если ты решился, мне больше нечего сказать, — вдовствующая императрица, услышав горечь в его голосе, не стала продолжать и дала знак служанкам подать Жун Цзюэ суп. Он слегка отстранился, но, вспомнив о своем обещании, позволил служанке покормить его несколькими ложками.

Фан Ляочжи шел в лагерь гвардии, размышляя над словами Чжао Жунцзюэ, и в сердце его поднималась горечь. Рассеянно он столкнулся с человеком и, подняв голову, увидел Сяо Мина.

— Брат Фан, давно не виделись, — Сяо Мин сложил руки в приветствии, рассматривая новую форму Фан Ляочжи и раздумывая, стоит ли ему кланяться.

— ...Брат Сяо, как поживаешь? — сказал Фан Ляочжи. — Я как раз искал тебя.

Сяо Мин улыбнулся с хитрецей.

— Император действительно подарил тебе старую резиденцию? Такая милость никогда не оказывалась гвардейцам.

Фан Ляочжи нахмурился.

— Ты меньше говори, а то голову потеряешь.

Сяо Мин вздрогнул.

— Это нельзя говорить?

Фан Ляочжи усмехнулся.

— Кто еще знает? Как ты так быстро узнал?

— Только я и Лян Цзань.

— В тот день я увидел, как кто-то вышел из твоей комнаты с шкатулкой, а на выходе из лагеря показал императорский знак. Я тайно последовал за ним и увидел, как он свернул на улицу с резиденциями... Потом я заметил, что ты не вернулся, и догадался, — Сяо Мин почесал затылок, чувствуя страх.

<http://bllate.org/book/16817/1564778>